

М-те Мария Тулупова не могла понять, отчего на душе так беспокойно. Будто мало повидала она проезжающих на станции! Но тот первый, в очках, снял комнату всего-то на три часа. Какой-то он странный и чужой. Объявился пешком со стороны леса, хотя одет весьма прилично. И весьма смущало m-те Тулупову, что сюртук и плащ господину вроде как непривычны – будто первый раз в жизни так оделся. И говор хоть и русский, но немного чудной. Госпожу Тулупову аж оторопь взяла, когда чужак уверенно обсказал, кто приедет на станцию Залазы сегодня.

Из какой же губернии объявился сей необыкновенный князь? Или же разбойник, нарядившийся в одежды убиенного князя? Госпожа Тулупова до сих пор размышляла, правильно ли поступила, не послав к жандармам Антипку. Но приятная тяжесть в кармане подсказывала, что молчание сейчас и вправду золото...

Среди прочих выделялся и приезжий из Боровичей. Маленького роста, беспокойный, чернявый – с бакенбардами. Два светских молодых человека в цилиндрах смотрели на него с явным любопытством, перешептывались, но представиться не решались. А тот, заметив на столике Шиллерова «Духовидца», перестал мерить комнату ожидания шагами, сел на лавку и углубился в чтение. Станный князь вышел из своей комнаты и пристально смотрел на чернявого. Мадам Тулупова снова ощутила беспокойство, когда пришелец из леса приподнял

рукав на левой руке и посмотрел на часы, укрепленные на ремешке на запястье. Все у него не как у людей!

Старые напольные часы пробили один раз – половину четвертого пополудни. А вскоре неподалеку послышался звон колокольчиков. Чернявый глянул в окно, отбросил томик Шиллера и первым вышел на улицу. За ним потянулись оба любопытных молодых человека, а следом и подозрительный в очках. И почти сразу у станции Залазы остановились четыре тройки. Из первой выбрался фельдъегерь с сердитым лицом, из остальных – три арестанта, каждый в сопровождении жандарма. Все, как предсказал князь, в очках! Наверно, их где-то по пути видел, а уж рассуждал, будто пророк. Или он чернокнижник какой-то? От такой мысли госпоже Тулуповой едва не стало дурно, и она не сразу расслышала вопрос чернявого:

– Вероятно, поляки?

– Да, – рассеянно ответила хозяйка станции. – Их нынче отвозят назад.

Один из арестантов, утомленный дорогой, обессилено прислонился спиной к колонне и прикрыл глаза. К нему подошел высокий, бледный и худой чернобородый молодой человек в фризовой шинели.

– А сей с виду настоящий жид, – рассеянно заметила госпожа Тулупова.

– Наверное, еще и шпион, – хмыкнул в ответ чернявый. – Не иначе как истребован в Петербург для доносов и объяснений.

Он повернулся спиной к арестантам, но тут к нему обратился пассажир в очках:

– Ошибаетесь, Александр Сергеевич! – и продекламировал вполголоса: – «За ужином обьелся я, да Яков запер дверь оплошно, так было мне, мои друзья, и кюхельбекерно, и тошно...»

Александр Сергеевич глянул на незнакомца с необычайным изумлением. Тот приподнял цилиндр и отрекомендовался:

– Князь Виктор Иванович Чичагин. Вы меня не помните, Александр Сергеевич?

– Простите, сударь, нет.

Александр Сергеевич вновь повернулся к арестантам, и чернобородый посмотрел на него с чрезвычайной живостью. Возвращаясь в здание станции с фельдъегерем, m-те Тулупова услышала, как чернявый воскликнул: «Господи! Вильгельмушка! Кюхля!» – и бросился в объятия высокого арестанта.

Оформляя фельдъегерю подорожную, хозяйка станции специально приоткрыла окно, несмотря на октябрьскую прохладу. До нее долетали лишь обрывки разговора: «Сам не знаю, куда меня препровождают...» – «Вильгельм, прочти свои стихи, чтоб мне заснуть скорее...» – «Все-таки стреляться из-за стихов нелепо...»

К обоим подбежали жандармы и бесцеремонно растащили в разные стороны. Фельдъегерь, не успев оформить подорожную, выскочил на улицу, и госпожа Тулупова услышала, как тот осыпает чернявого угрозами и бранью. В ответ Александр Сергеевич кричал, что пожалуется его превосходительству шефу жандармов Бенкендорфу или даже его величеству государю императору. На фельдъегеря угрозы пассажира не возымели ни малейшего действия, и он велел жандармам отвезти арестантов на полверсты от Залазов.

– Батюшки, да кто ж сей господин? – изумленно спросила госпожа Тулупова.

– Пушкин, который сочиняет! – с благоговением пояснил ей один из любопытных молодых людей и повернулся к товарищу: – Декабрист-арестант, надо полагать, его лицейский товарищ. Но каков наш поэт! Наслышан я, из-за «Андрея Шенье» и декабристов весь год его допрашивают. Недавно был в крепость посажен. Только что отпущен, а уже жандармам грозит!

К Пушкину тем временем устремился князь Чичагин.

– Александр Сергеевич! – доверительно заговорил он с поэтом. – Дозвольте помочь в ваших хлопотах. Сделаю сие с превеликой

охотой. Знакомства в высших сферах – замечательно. Но для них ваш друг – государственный преступник. А у меня имеются весьма влиятельные друзья в Третьем отделении, которые незаметны, но чрезвычайно полезны. Могу сообщить вам, что господина Кюхельбекера препровождают из Шлиссельбурга в Динабург, а фельдъегерь господин Подгорный – ревностный служака. Ваших денег для друга он все равно не примет. Но пройдемте в мою комнату. Ежели дозволите, буду иметь честь сделать интересное, полагаю, предложение. Не угодно ли выслушать оное более обстоятельно?

Александр Сергеевич призадумался. Затем окликнул человека, и тот собрал сумки поэта. Большой плоский лакированный деревянный ящик с изображением пистолета на крышке Пушкин бережно нес сам. Когда за поэтом и князем закрылась дверь, госпожа Тулупова вместо облегчения вдруг почувствовала, как что-то словно кольнуло в сердце...

* * *

Пуля громко звякнула об стеклянную чашечку новенького портативного УЭКА-2027, и Вадим с изумлением посмотрел на маленький свинцовый шарик. Порылся в самых дальних закоулках памяти, но их словно залило солеными брызгами Красного моря.

– Забавная пулька, – хмыкнул капитан Рыков и по-хозяйски развалился в офисном кресле рядом с молодым следователем. – Такие сейчас по большей части в музеях... Но некоторые самоделкины тоже порой льют. Жаль, других следов и улик нет...

Не спрашивая разрешения, он достал пачку «Герцеговины Флор» и закурил, просматривая на дисплее снимки с места происшествия. Убитый лежал на пустыре лицом вверх, а на груди бурело пятно крови. В верхней части кадра возник портрет млажавого мужчины и надпись: «Яков Ионович Езовитов, 01.01.1987–11.08.2027».

Старший лейтенант юстиции Шаров недовольно поморщился и на полметра откатился от старого полицейского. О чем только думает начальство! Вот ведь дали напарничка! До шестидесяти дожил, а только до капитана дослужился. И ведь на пенсию не выгонишь, хотя

давным-давно мог бы уже на даче капусту выращивать, как тот римский император – Диоклетиан, что ли...

Рыков не обратил ни малейшего внимания на красноречивое движение следователя и, пыхтя, как паровоз, по-приятельски хлопнул того по плечу.

– Вадик, заводи свой агрегат! Хочу глянуть, что про нашу пульку нашепчет. Точно тебе говорю: кто-то выпендрился, из музея пистолетик стырил. На «антуквариат» потянуло!

– Как вы сказали? – изумился следователь.

– Классику детективного кино, Вадик, нашему брату знать полагается! – назидательно заметил Рыков, затягиваясь сигаретой. – «Следствие ведут знатоки», дело десятое, «Ответный удар». Пятьдесят с лишним лет назад серия вышла. Там опер на помойке бичугана из себя корчил и про самовар так говорил.

– Даже мои родители тогда еще детьми были, – вздохнул Вадим. – А вы, Сан Саныч, неужели помните?

– А то! Улицы пустели, когда «Знатоков» показывали! – и Рыков фальшиво запел: – «Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...» А я вот вижу, у покойничка нашего на портрете взгляд довольно наглый. Вадик, действуй!

– Инструкцию не успел прочитать...

– Во, блин, чем ты целый день только занимался? Учись, студент!

Седовласый капитан ловко, будто всю жизнь возился с новейшими универсальными экспертно-криминалистическими агрегатами, положил пулю в приемный отсек и настроил меню. Заморгали светодиоды, по дисплею забегали замысловатые формулы, и через четверть часа агрегат выдал ответ.

– Ни фиги себе номер! – воскликнул Рыков, глядя на изумленного следователя. – Всего-то год пулке! И по всем параметрам вроде как заводская, а не самоделка. Вадик, срочно ищем уникального кустаря-одиночку. Он балуется старинным оружием, готовит порох по допотопным технологиям и льет пули по-заводски. На такого чудика все вокруг пальцами укажут. Или нет...

– Давайте я сначала по форумам пошарю, – вздохнул Шаров. – Если не нападу на след, тогда вам карты в руки – разработка по старинке. А пока займитесь потерпевшим.

– Угу... Вадик, глянь на примечание. Офигеть – не встать! Науке известны изотопы свинца с атомной массой от ста семидесяти восьми до двухсот пятнадцати. Большинство – короткоживущие. А в составе пульки изотопы плумбум-216 с периодом полураспада целых пятнадцать лет! Глядишь, тот чудик с супервинцом вместо приговора Нобелевскую по физике отхватит!

– Может быть, он сотрудник секретного НИИ? – предположил следователь. – Неплохая версия, Сан Саныч!

* * *

В редакции «Всякой всячины» оказалось удивление тихо и спокойно, хотя капитан Рыков ожидал увидеть в столь всеядном издании привычную суматоху.

– У нас четко отлажен производственный процесс, Александр Александрович, – пояснил оперативнику главный редактор. – Лорд Честерфилд еще в восемнадцатом веке сказал: «Умный человек иногда торопится, но ничего не делает второпях». А наши сотрудники – профессионалы высокого класса.

– И покойный Яков Езовитов тоже?

– Разумеется!

– Но я успел переговорить кое с кем... – хмыкнул Рыков.

– Понимаю, – перебил его редактор. – Помните наставления Бендера: побольше цинизма, людям это нравится. Конечно, в статьях Яков никого из литераторов приторным сиропом не поливал. Но зато язвил чертовски талантливо! Итог – дополнительные подписчики и покупатели. Он был левшой, и все называли его Левшой от критики. Теперь голову ломаю – заменить Яшу некем...

– Нас интересует другой аспект, – серьезно сказал полицейский. – Я вашего Езовитова раньше знать не знал. Но недавно увидел по телевизору – в жюри телепроекта «Песне ты не скажешь до свидания». Сколько лет на свете живу, а столько гонора и высокомерия еще не встречал. Я те песни с пеленок помню, аж на слезу прошибало, когда слушал – а он каждую обгадил. Дескать, текст – примитив и дешевка, музыка так себе, вся ценность – отражение эпохи... Читал потом, что сын Дарьи Миловой жуткий скандал устроил на съемках,

даже убить Езовитова грозился. Скандал имел продолжение?

– Вы все равно узнаете... – вздохнул редактор. – Петр Милованов и к нам приходил буйнить – вскоре после эфира. До драки дошло у них с Яшей. Еле разняли. Но полицию не вызывали.

Рыков оживился и быстро опросил многочисленных свидетелей стычки. Лучше всех запомнил драку двухнедельной давности Виктор Сапожников, который вел в газете рубрику необычных явлений. При этом сам походил на заурядного офисного клерка – тихий спокойный мужичок возрастом под сорок. Внимательно читал текст на дисплее ноутбука, невозмутимо протирая носовым платком очки. Оперативник сморщился, увидев сразу три открытых окна: по астрологии, НЛО и параллельным мирам. Однако о драке Сапожников рассказывал по-деловому, без эмоций и в деталях: кто что выкрикнул, сколько ударов достигли цели. Итог оказался не в пользу более молодого Милованова. Сорокалетний Езовитов разбил тому нос и поставил «фонари» под оба глаза, а сам отделался оторванными пуговицами и одним фингалом. Зато дикий вопль сына прославленной певицы «убью!!!» слышала вся редакция.

Рыков уже собрался уходить, когда к Сапожникову пожаловал благообразный старичок лет восьмидесяти, живо напомнивший оперативнику Фунта из старой швейцеровской экранизации «Золотого теленка». На лице журналиста промелькнуло кислое выражение. «Как на работу сюда ходит, почти каждый день», – шепнул Сапожников Рыкову. Но, однако, надел очки и принял серьезный вид.

Опытный капитан тут же выяснил, что и «Фунт» был свидетелем драки. Однако тот величественно отказался беседовать с полицейским до своего важного разговора с Сапожниковым. Рыкову пришлось терпеливо ждать, пока старичок наболтается, а рука так и тянулась к пачке «Герцеговины Флор». Увы, редакция «Всякой всячины» была объявлена территорией, свободной от курения.

Под тусклую неторопливую речь Максима Ильича, методично, по пунктам опровергавшего статью в последнем номере «Всячины» о снежном человеке, Рыков вдруг почувствовал, как мышцы начинают

деревенеть. Собеседники растаяли в непонятной дымке, а из-за дисплея поднялся огромный гоминоид, покрытой шерстью. Йети поднял дубинку, а капитан не мог даже шевельнуться, с ужасом слушая негромкое рычание. Гоминоид исчез так же внезапно, как появился, а Рыков увидел перед собой два удивленных лица и понял, что под монотонное бормотание старичка аж захрапел.

– Работа такая, всю ночь в засаде просидел... – многозначительно пояснил он собеседникам.

Те понимающе переглянулись и продолжили прерванный разговор. Минут через пять Максим Ильич наконец-то снизошел до полицейского:

– Я к вашим услугам, молодой человек, – и, повернувшись к Сапожникову, с укоризной заметил: – Чем всякий ненаучный бред тоннами публиковать, лучше бы предложили читателям статью академика Тайманова. На даче его постоянно встречаю. Старик возмущается, что у вас за проволочки – полгода уже любопытнейший материал маринуете...

– Готовится, – пробормотал Сапожников, и по лицу журналиста Рыков понял, что тому просто не терпится спихнуть словоохотливого старичка полицейскому.

При выходе из кабинета что-то заставило полицейского оглянуться – из-под очков заурядного клерка сверкнул взгляд умного проницательного человека, чем-то встревоженного. А через мгновение Сапожников вновь уткнулся в свой дисплей с астрологиями и уфологиями.

* * *

«Фунт» выразил желание побеседовать с оперативником в парке на скамеечке и по пути развлекал несчастного капитана пересказом несостоявшейся пока статьи академика.

– Чертовки интересная гипотеза, молодой человек! – бубнил Максим Ильич. – Вам, конечно, известны теории о множественности параллельных миров. Но все они умозрительны, доказательств нет. Тем не менее Миша Тайманов полагает, что обнаружил их – некие точки пространства, где наблюдается усиление напряженности магнитного поля на определенные величины. Даже карту составил – для европейской части России. По расчетам нашего

академика, эти точки – своего рода «пересадочные станции» между параллельными мирами, различающимися на целое число столетий.

– Почему на целое? – с ухмылкой поинтересовался Рыков, мысленно чертыхаясь.

– Для других миров расчеты намного сложнее... У Миши пока не получились. Так вот, если создать некий переходник через данную точку, мы сейчас можем оказаться в мире, где, к примеру, 2127 год, или 1927, или 1827... Конечно, ни один научный журнал такую статью не опубликует, поэтому Миша и опустил до «Всячины». Тираж большой, читает весь наш, так сказать, бомонд. Глядишь, клюнет какой-нибудь олигарх, спонсирует изготовление переходника для «пересадочной станции». Миша в статье даже принцип действия устройства изложил. Наверное, для Вити Сапожникова – это слишком сложно, вот и не хочет публиковать. Хотя он совсем не такой простачок, каким прикидывается. Думаете, молодой человек, я не понимаю, что он во всю эту астрологическую и уфологическую ерунду ни грамма не верит? Просто кормится на ней и паразитирует на людском невежестве. В науку, увы, получается, Витя не верит тоже... Так что вы хотели узнать про потасовку двух задиристых молодых петушков?

К этому моменту Рыков с «Фунтом» наконец-то добрались до скамейки в тенистой части парка, и измученный малопонятным монологом капитан наконец-то с наслаждением закурил. Теперь он слушал собеседника по-настоящему, как привык за долгие годы оперативной работы, не пропуская ни единого слова из рассказа Максима Ильича:

– Я Петю предупредил, что это авантюра. Разве можно что-то доказать желтой прессе! Они же скандалами питаются. Но он такой был настойчивый! Вот я и согласился проводить его в редакцию. Думал, придержу, если что. Куда там! Петя начал сразу на Якова кричать. Тот же постарше немного, разумнее должен быть – ничего подобного. Как начал язвить, что даже мне, честно говоря, тоже захотелось стукнуть эту акулу пера по башке. А люди молодые вспыхивают как порох. Вот Петя и не сдержался, а Яков ответил...

Выяснилось, что «Фунт» – профессор-физик, но давно на пенсии. С покойной певицей Миловановой был соседом по даче, а ее сына

хорошо знает буквально с пеленок. Теперь тот живет на даче один, но постоянно собирает для кутежа веселые компании. Жив еще и брат Миловановой – Роберт. У него дача в том же поселке, но на отшибе – больше похожая на крепость. Певица с ним почти не общалась и Максиму Ильичу ничего про брата не рассказывала. Племянник, похоже, тоже с ним особо не роднится. Про драку Петра и Якова Рыков от «Фунта» ничего нового не узнал, только удивился, почему никто из свидетелей не упомянул старика.

– Одни, наверно, не заметили, другие подумали, я к Вите пришел, – пояснил Максим Ильич. – Тем более от Пети я отстал немного. А он меня потом и дожидаться не стал, убежал сразу. Хорошо еще, что сдержался, пистолет не достал...

– Какой пистолет? – Рыков даже привстал со скамейки и швырнул окурки в урну: так вот ради какой крупницы он столько времени убил на разговоры с болтливым стариком!

– Наверное, декоративный, – пояснил «Фунт». – В виде старинного – очень хорошей работы. Петя, чего доброго, мог бы в горячке стукнуть Якова рукояткой по голове... Как удержался – не пойму.

– Старинный пистолет... – задумчиво произнес оперативник и, вспомнив про исследование пули, поинтересовался: – Максим Ильич, а вы можете допустить существование относительно стабильного изотопа плумбум-216?

«Фунт» внимательно посмотрел на полицейского и с уважением сказал:

– Вот сейчас вы меня чрезвычайно удивили, молодой человек. Но, боюсь, ваша гипотеза из области фантастики.

– Даже в сочетании с теорией академика Тайманова?

«Фунт» встал, пожал оперативнику руку и с чувством произнес:

– Спасибо за любопытную версию! Будет над чем поразмыслить!

* * *

После ухода Рыкова Шаров еще с полчаса молча смотрел на дисплей УЭКА-2027, но мысли молодого следователя ускакали далеко. На кой черт придумали этот эксперимент в виде постоянных оперативно-следственных групп из двух человек! И как старикан-капитан,

который презирует Интернет, так ловко обставил его с агрегатом... Будто не понимает, что Вадиму после медового месяца и выхода из отпуска просто лень было читать злосчастную инструкцию. Никуда она не убежит! Но постепенно внутренние потоки желчи иссякли, а вместо них забили свежие ключи с упреками совести.

С тяжелым вздохом следователь вошел в Интернет и приступил к поиску коллекционеров старинного оружия. Пыхтя от злости, изучал переписку немногочисленных чудаков в форумах, но понемногу вник, увлекся и не заметил, как пролетели два часа. Внутренняя команда «стоп!» прозвучала при виде знакомой фамилии – Роберт Милованов: Сан Саныч звонил часа полтора назад, что активно разрабатывает подозреваемого – Петра Милованова.

Неужели и вправду попали на след? Вадим почувствовал, как закипает азарт охотника. Кто же этот таинственный Роберт? Один из форумчан упоминал передававшуюся из уст в уста байку, что кто-то когда-то рассказывал про укрепленный не хуже дзота подвал на даче Милованова: там коллекция, которой позавидует и Оружейная палата. Вот только свое увлечение Роберт ни с кем не обсуждал и к сокровищнице никого не допускал. А «кто-то когда-то» сам там не был, а лишь передавал рассказ первого мужа Дарьи Миловановой, однажды допущенного к закромам шурина. Интересный узел получался! А не пересекались ли где прежде Езовитов и Миловановы? Может, не случайно модный критик так яростно набросился на хиты певицы прошлого?

Задавая поиск в разных комбинациях, Вадим разочарованно вздохнул: увы, всемирная сеть не сохранила никаких следов былых словесных баталий певицы и ее родни с Езовитовым. Значит, проверить версию можно только оперативным путем. Для порядка к заключительной поисковой комбинации Вадим добавил слово «пистолет» и замер: правда, Миловановых поисковик отсек, но пистолет и Яков Езовитов обнаружились неподалеку в одной ветке форума на литературном сайте «Классики и современники».

В комментариях к стихотворению Пушкина «Я вас любил» Езовитов рассуждал, что это жалкая версификация, непонятно как пленившая публику. И вообще, Пушкин – дутая величина.

Настоящий русский поэт только Семен Надсон. Вот строки, над которыми и вправду хочется плакать:

*Любовь – обман, и жизнь – мгновенье,
Жизнь – стон, раздавшийся, чтоб смолкнуть
навсегда!*

*К чему же я живу, к чему мои мученья,
И боль отчаянья, и жгучий яд стыда?*

Несколько человек в форуме возмущенно пристыдили Езовитова. Какой-то чудаковитый Арап сотворил изящную стилизацию с использованием твердого знака, ятя и старой «і» с точкой: рассыпаясь в любезностях, обратился к Якову как к «милостивому государю», а в конце назвал собеседника «недоученным ослом». Критик не замедлил с ядовитым ответом, и под стихотворением выросла длиннющая «борода» из комментариев. Публика весело подбадривала явно симпатичного ей оппонента Езовитова. А тот однажды продолжил спор весьма сурово:

*Яков, сукин сын и хряков,
Аль забыл в злоречьи меру?
Стоп! Довольно жабой квакать!
Не угодно ли к барьеру?
Глянешь в дуло пистолета –
И прощайся с белым светом!*

На следующий день посетовал, что написал столь корявые строки, будучи несколько подшофе, затем и уснул сразу. Зато Езовитов не дремал и высокомерно отвечал, что таких арапов может пачками отстреливать, как тот северянин из анекдота про ноуэсэров. Пусть Арап вместо стихов читает протоколы межвузовских соревнований по стрелковому спорту – Езовитов там не раз побеждал. Перебранка продолжалась долго. А развеселая публика подбадривала оппонентов восклицаниями: «Шайбу! Шайбу!», «Пульку! Пульку!», «Хоп-хоп, пулю в лоб!»

Новая версия мгновенно созрела в голове следователя. Нелюдимый чудаковитый Роберт Милованов – коллекционер старинного оружия и поклонник старых поэтов. Такой и вправду мог сам изготовить пистолет, чтобы лишний раз не касаться своих раритетов. Выходит, он и есть Арап? Нужно срочно проверить! Вадим позвонил Рыкову:

– Сан Саныч, возвращайтесь в управление, возьмем УЭКА и поедем в поселок Ельниково. Нужно проверить дачу Роберта Милованова.

– А я уже на месте, Вадик! – весело откликнулся капитан. – С племянником Роберта Милованова. Мы тебя ждем – с агрегатом. И аптечку не забудь, а то Петя лыка не вяжет.

* * *

Через час Рыков, дымя сигаретой, бодро рассказывал Шарову, как вышел на Петра Милованова, теперь безмятежно храпевшего в полицейской машине:

– Приезжаю с Максимом Ильичем на дачку – спит, голубчик, дрова дровами. Спрашиваю, где пистолет – мычит. Кое-как парня раскрутил: дядя, говорит, дал – ему и вернул. Сразу сюда – а у дяди все заперто. Телефон племянник не знает, а у меня к базе доступа нет.

– Я уже созвонился с Робертом Титовичем, – сообщил Вадим. – Он вот-вот подъедет.

В этот момент у дачи остановилась «Победа» бог весть какого года выпуска, но выглядывшая так, словно только что сошла с конвейера ГАЗа. Из нее выбрался бодрый сухопарый старик лет семидесяти, очень похожий на покойную певицу.

– Так и знал, что добром Петькина авантюра не кончится, – вздохнул Милованов-старший, ознакомившись с удостоверениями Шарова и Рыкова. – Пройдемте в дом, я все объясню.

Петра оперативнику и следователю пришлось нести на руках и укладывать на диванчик в гостиной, исполненной в стиле девятнадцатого века. Неодобрительно глядя на племянника, Роберт Титович рассказал, что тот недавно приходил к нему и просил старинный пистолет – поугадать критика Езовитова.

– Такой был настырный, что я согласился, – смущенно сообщил Милованов. – В конце концов, за честь сестры вступался – так уж и быть, думаю. Антиквариат, конечно, я ему не дал. Предложил модель – сам изготовил. Дал несколько пистонов – чтобы только хлопнуть. Через несколько дней Петька пришел пьяный и побитый, пистолет и пистоны вернул. Сказал, сдержался, не воспользовался. Ну и ладно, думаю. Выходит, соврал, стервец?

Спустились в подвал, и старик показал свою таинственную коллекцию старинного

огнестрельного оружия. Шаров и Рыков с восторгом смотрели на застекленные витрины с сотнями пистолетов, винтовок, ружей и дульных наборов в ящиках, содержащихся в идеальном порядке. Модель, которую брал Петр, проверили с УЭКА (принесли агрегат в подвал). Отсканировали ствол изнутри и убедились, что пуля, убившая критика, не была выпущена из этого пистолета. Проверили все остальные модели (их насчитывалось с десятком) – тот же результат.

– Странно... – смущенно произнес Вадим.

– А что вы хотели найти? – усмехнулся старик. – Проверяйте, пожалуйста, все подряд!

Однако Рыков поступил проще: провел экспресс-анализ замочных скважин витрин и по возрасту микроцарапин установил, что лишь две единицы хранения вскрывались относительно недавно. В одной хранились ружья, в другой – пистолеты. Ни один из них не соответствовал по калибру обнаруженной в теле пуле.

К изумлению полицейского и следователя, в доме не оказалось компьютера. Милованов пояснил, что так и не научился толком с ним обращаться, а про какого-то Арапа в Интернете не имел ни малейшего понятия. Даже молодому недоверчивому следователю стало ясно, что хозяин говорит искренне. Оставалось только извиниться и уходить, но тут Рыков поинтересовался:

– Извините, Роберт Титович, а почему сстрой всю жизнь не ладили? Как-никак знаменитость...

– А на что мне примазываться не к своей славе? – спокойно ответил Милованов. – Даша была славной девочкой, но ее очень испортили эстрада и особенно Гога, первый муж. Заразил сестру своим вещизмом... Даша с Гогой давным-давно развелась, а его идею не оставила: коллекция стоит баснословных денег, поэтому ее нужно продать. Но я не мог просто так пустить по ветру фамильное достояние! Оружие начал собирать в девятнадцатом веке наш предок – князь Виктор Чичагин. Какой смысл проедать историческое наследие? Весной, кстати, еще один претендент на коллекцию объявился. Назвался потомком князя по линии второй жены. Хотя у нас в семье считалось, что их дети умерли в младенчестве. Никого из этой ветви мы не нашли – архивы

на Псковщине сгорели во время Великой Отечественной. Молодой человек не смог представить доказательств родства, но оказался редким наглецом. Попросил меня спонсировать изготовление какой-то машины для путешествия в прошлое параллельного мира – якобы оттуда он доставит доказательства. Я хотел его тут же прогнать, но он сослался на академика Тайманова. Мишу я уважаю – позвонил. Оказалось, и вправду его теория. И, знаете, я не то чтобы поверил, но подумал – почему бы не попробовать? Юридически претензии «потомка» несолидны – я проконсультировался. Но на документы для семейного архива можно было раскошелиться.

– И что? – Рыков еле сдержался, чтобы не расхотаться. – Добыл их парень?

– Нет, но он регулярно звонит. Обещает вот-вот смастерить свой переходник.

– Переходник? – насторожился капитан. – А как зовут молодого человека?

«Он совсем не такой простачок, каким прикидывается», – вспомнил Рыков слова «Фунта», так что спокойный ответ Милованова не стал сюрпризом:

– Виктор Сапожников.

– Это который из «Всячины»? – слышался пьяный голос с диванчика. – Выходит, он мне братец многоюродный... Я как-то у дома Езовитова околачивался – разговор хотел с тем Зоилом закончить... Сапожников в Яшкин подъезд заходил – с двойником Пушкина...

– Может, тот двойник и есть Арап? – сразу воспламенился энтузиазмом Шаров. – Срочно едем к Сапожникову!

Обратно в Москву автомобиль вел Рыков и весьма удивил молодого следователя, поскольку всю дорогу молчал и не балагурил. Сосредоточенно смотрел на шоссе и гнал изо всех сил.

Однако они все равно опоздали. Из редакции Сапожников уже ушел, телефон не брал, а в квартире никто не откликнулся на звонки. Молодой следователь отвернулся и «не заметил», как Рыков ловко открывает дверь отмычкой.

– Ой, а Сапожников забыл хату запереть! – насмешливо сказал Рыков, глядя на следователя. – Пошли, Вадик!

Из квартиры журналиста явно только что в спешке бежали: всюду валялись разбросанные вещи, в том числе вдребезги разбитый

ноутбук; на кухне на столе еще не успел засохнуть кусок хлеба... Вот только рукопись академика Тайманова нигде не обнаружилась.

– Вряд ли Сапожников перед уничтожением затирал комп тщательно, если вообще чистил, – предположил Рыков. – Вадик, тебе и карты в руки, ты по этой части мастак.

Они бегом выскочили из подъезда. В автомобиле Шаров подключил к УЭКА останки ноутбука журналиста и принялся «колдовать». Из-за механических повреждений деталей работа шла медленно. Молодой следователь не раз изрыгал самые грязные ругательства под смехок напарника – тот успел выкурить не одну «Герцеговину Флор».

– Да, Вадик, не на одну трубку дело получается, не то что у Холмса, – глубокомысленно заметил Рыков. – Уже полтора часа дымим...

– Не зудите под руку, Сан Саныч! – огрызнулся Шаров, а еще через полчаса, вытирая пот со лба, торжественно провозгласил: – Готово!

В ноутбуке обнаружили и файлы с рукописью академика, и чертежи пресловутого переходника. Устройство представляло собой плоскую коробку – такая легко помещалась в сумку или небольшой чемодан. Оказался в архиве и еще один чрезвычайно интересный файл: карта-схема России с отмеченными на ней красными точками и пометками: «Пересадочные станции». Одна из «станций» была обведена кружком – деревня Залазы в Псковской области.

– Думаю, Сапожников с двойником рванул туда, – задумчиво произнес Рыков. – Или не с двойником? Башка кругом идет...

– Вы поверили в эту чушь, Сан Саныч? – изумился Вадим.

– Не знаю... – рассеянно произнес Рыков. – Сначала, конечно, думал, белиберда. Но очень уж хорошо этот бред все объясняет, в том числе изотоп плумбум-216. Заметь, ноутбук Сапожников с собой не взял, потому что «там» такая матчасть не нужна... Если наша версия верна, то у Арапа нет документов. Значит, они едут на машине.

Шаров недоверчиво хмыкнул и полез в смартфон проверить полицейскую базу. Оказалось, что «волга» Сапожникова действительно движется в сторону Пскова.

– Сейчас сообщу, его остановят! – обрадовался следователь.

– Мы сами должны снять сливки с этого дела, – предложил Рыков. – Поэтому брать ребяток нужно именно в Залазах, в точке перехода! Рванем туда самолетом и встретим Сапожникова с Арапом на месте.

Ранним августовским утром к скромной ветхой часовенке у Залазов подъехала «волга». Из нее выбрались Виктор Сапожников и Арап в цилиндрах и костюмах старинного покроя. Достали из багажника сумки и ящик с дуэльными пистолетами. Постояли у камня с портретом великого русского поэта и надписью: «Здесь, на этом месте, 14.10.1827 состоялась встреча поэта А.С. Пушкина с другом декабристом В.К. Кюхельбекером». Всмотриваясь в изображение, Арап поинтересовался:

– Князь, вы говорили, отличие ровно на сто или двести лет. А почему у нас осень, а у вас лето?

– Академик объяснял очень заумно: погрешность связана с различием в продолжительности тропического и звездного года.... Так вы точно решили, Александр Сергеевич?

– Трудно сказать... Знать, что некий французский хлыщ будет нагло ухлестывать за неведомой мне пока Натали, и не вызвать его? Князь, вы сами слышали, как Вильгельм на этом месте рассуждал, нелепо стреляться из-за стихов. А я и здесь не сдержался... Или за десять лет все же наберусь мудрости и спокойствия?..

– Значит, вы признаете, Александр Сергеевич, что застрелили Якова Езовитова на дуэли? – спокойно поинтересовался капитан Рыков, выходя со следователем из часовни. – Ваши слова записаны!

В руках оперативник держал смартфон, а журналист затравленно озирался в поисках миниатюрных микрофонов. Шаров показал свое удостоверение и строго сказал:

– Потрудитесь дать официальные показания. Вы задержаны, господа, оба – для уточнения обстоятельств дела!

– Виктор, только без глупостей! – вновь заговорил капитан Рыков. – Где переходник?

– Все-таки вы нас нашли... – прошептал ошеломленный Сапожников. – Я сразу почувствовал неладное, едва вы появились в редакции. Взгляд у вас очень пронизательный.

– Александр Сергеевич, вы готовы к явке с повинной? – обратился молодой следователь к Пушкину. – Признаетесь в убийстве?

– Сие была честная дуэль, милостивый государь! – многозначительно заметил поэт. – Готов поклясться перед судом людским и Божиим!

– Но как Яков-то на нее согласился? Он что, идиот? – изумленно спросил Шаров у журналиста.

– Решил, что меня завербовала программа «Розыгрыш», – неохотно пояснил Сапожников.

– И вы допустили кровопролитие? – возмутился Рыков. – Хорош гусь, нечего сказать!

– Я думал, он зарядил пистолеты клюквой, как на дуэли с Кюхлей, – пролепетал журналист. – Специально взял мороженую из холодильника.

– Я передумал насчет клюквы! – подал голос поэт. – Не судите строго князя, господ жандармы. Я намеренно ввел моего друга в заблуждение. Подлец ваш Яков и сам виноват, что наша перестрелка столь прискорбно завершилась. Упокой, господа, его душу грешную...

– И вы хотите сказать, что действительно тот самый Пушкин? – воскликнул Вадим. – Но он же писал гусиным пером! А тут Интернет!

– Да-с, милостивый государь, поначалу мне казалось, что попал в лучший мир... – поэт вздохнул. – Диву давался, что господь смилостивился над грешником и допустил оно-го в рай... Неделю не мог поверить князю. Но собрался с силами, обрел душевное спокойствие. Потом оказалось, что вашими чудесами пользоваться весьма несложно – ежели есть голова на плечах. Князь Чичагин-Сапожников привел меня в ваш мир, дабы показать всенародную любовь к моему двойнику. Посему призывал к благоразумию, предупреждал, чтобы я берег себя... Но я, как на грех, столкнулся с тем пародийным Зоилом. Господин жандарм, мне весьма неуютно в вашем мире: он остался для меня чужим. Тем паче я не хочу в Сибирь! Сделайте милость, дозвольте вернуться обратно!

– Ни в коем случае! – отрезал молодой следователь. – Прошу добровольно отдать переходник и следовать за мной! В противном случае мы будем вынуждены применить силу.

– Князь, сделайте как они велют, – нервно сказал поэт Сапожникову. – Увы, жандармы нас переиграли...

Журналист недоуменно глянул на поэта, а потом долго возился с замком сумки. Руки Сапожникова дрожали. И вдруг поэт распахнул ящик и выхватил сразу два пистолета. Следователь с оперативником замерли под направленным на них старинным оружием.

– Не искушайте судьбу, господ жандармы, – резко сказал Александр Сергеевич. – Я не намерен лишать никого из вас жизни, только ранить, ежели что... Но вдруг случится несчастье? Я и тому Зоила хотел только руку прострелить – чтоб гадости не писал хотя бы временно. Слышал, что он левша. Князь, поторопитесь!

Сапожников метнулся к поэту и выхватил из ящика с пистолетами переходник – точь-в-точь такой, как на изображении. Через мгновение в воздух взметнулось облако пыли – в нем с треском заискрились электрические разряды. Но буквально через секунду все стихло, и порывом ветра унесло пыль. Но два человека с вещами исчезли бесследно...

– Жаль, академик Тайманов не увидел доказательств правильности своей теории, – со вздохом произнес капитан Рыков, доставая сигареты.

– Вы же могли помешать им... – пролепетал Шаров.

– Мог, – согласился Рыков. – Но передумал. Сначала-то хотел сенсационное дело раскрутить. Но в последний момент пожалел обоих – пусть катятся в свой параллельный мир. Вадик, не парься из-за пустяков. Подумаешь, еще один всяк! Я тебя научу, как грамотно отписаться,

чтоб на психиатрическое обследование не послали... Зато Роберта Милованова порадуем с удачным вложением средств: без всякого криминала избавился от претендента на свою коллекцию!

– Даже если Сапожников вернется, его документам в суде грош цена, – заметил повеселевший Вадим. – Они же будут свежие, как та пуля!

* * *

Услышав шум в запертой комнате m-ме Мария Тулупова обмерла, прижалась к стене и зашептала молитву. Никого же больше не селила в проклятую комнату! Батюшку туда приглашала, чтобы освятит – после бесследного таинственного исчезновения двух постояльцев. Но все равно боялась, что чернокнижник в очках вернется... Неужели так и случилось? Или почудилось?

Сомнения тут же развеяли возмущенные голоса и стук за запертой дверью. Ноги m-ме Тулуповой словно приросли к полу, а язык будто отнялся. Ничего не смогла сказать подошедшему на шум Антипке. Мужик отпер замок и снял с петли, и дверь распахнулась. Точно, они! На пороге стояли оба демона – князь Чичагин в очках и чернявый Александр Сергеевич.

– Спасибо, любезный, – поблагодарил тот Антипку. – Вот тебе на водку...

– В чем дело, хозяйка? – словно издалека успела расслышать голос князя Чичагина m-ме Тулупова, прежде чем окончательно лишилась чувств...